

УДК 342.7(476)(043.3)

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Н. С. ИЩЕНКО

*Учреждение образования «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого»,
Республика Беларусь*

*Scientia vinces – наукой победишь.
Латинская поговорка*

Введение

Перед исследователем возникает ряд вопросов. Почему совершает преступление человек? Почему для решения своих проблем многие избирают преступный путь? Что делать в целях недопущения этого? Имеет ли место связь преступности с экономикой? Эти вопросы волнуют умы людей уже не одно тысячелетие. На них пытались ответить философы и писатели, социологи и врачи, экономисты и политики и, безусловно, юристы.

Проблема преступности всегда занимала одно из первых мест среди наиболее острых проблем, тревожащих общественное мнение. Во второй половине XX в. в разных государствах ее ставили по значимости на второе–третье место. О ней, как правило, высказываются все, полагая, что ее решение доступно всем. Большинство политиков, стремящихся к власти, прежде всего, обещают покончить с разгулом преступности. Выступления политиков, общественных деятелей, материалы средств массовой информации всегда воспринимаются с живым интересом. Это понятно, поскольку затрагиваются жизненно важные, касающиеся каждого человека, вопросы. При этом, как правило, освещается наиболее очевидное в проблеме преступности, заметное многим, нередко высказываются взгляды, довольно распространенные в общественном мнении, тут же предлагаются определенные решения. Эти решения на первый взгляд кажутся и вполне радикальными, и реализуемыми в короткий срок. Но опыт показывает, что такого рода «простые» решения лишь на весьма краткий срок изменяют положение дел, затем преступность «берет свое»: изменяются лишь формы криминального поведения либо места совершения преступлений.

Специалисты в сфере борьбы с преступностью, юристы, криминологи тщательно изучают подобные выступления и публикации, так как они позволяют получать информацию о новых, подчас неожиданных аспектах проблемы, об общественном мнении, нестандартных предложениях. Однако эти же публикации и выступления неспециалистов чреваты опасностью создания иллюзии, будто вся проблема преступности сводится к лежащим на поверхности явлениям, а анализ преступности и ее причин не требует специальных познаний. Многие полагают, что покончить с преступностью можно, руководствуясь лишь «здравым смыслом» – обыденным сознанием, не изучая и не учитывая весь накопленный в данном отношении человеческий опыт. Причем нередко отвергаются научные рекомендации и игнорируются даже требования закона со ссылками на «чрезвычайность». Однако через короткое время в этих случаях преступность снова растет и становится еще более опасной,

чем прежде, поскольку ее причины сохраняются. На смену задержанным, арестованным преступникам приходят новые лица, находившиеся и действовавшие в таких же социальных условиях, что и ранее совершавшие преступления люди. О необоснованной жестокости в борьбе с преступностью, нарушениях законности долго помнят правонарушители, их родные и близкие. В таких случаях происходит отчуждение населения от власти, оно отказывается от сотрудничества с ней в борьбе с преступностью. *А без помощи населения успех здесь невозможен.* Но то, что очевидно специалистам во всем мире, что закреплено даже в ряде международно-правовых документах, до сих пор нередко огульно отвергается дилетантами.

Несколько слов (ввиду ограничений в объемах) об *уровне подготовки специалистов*, которым предстоит находиться на переднем «фронте» борьбы с преступностью. Представляется, что в данной сфере имеют место две наиболее важные проблемы. Первая проблема – наличие коллектива профессорско-преподавательского состава того или иного вуза, способного давать такие знания. Второе – отсутствие либо недостаточно краткий объем ряда необходимых дисциплин в некоторых вузах. Так, изучая уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право, оперативно-розыскное право, криминалистику, криминологию и иные правовые науки, будущий юрист готовится к тому, чтобы грамотно, в соответствии с законом реагировать на совершаемые преступления, раскрывать, пресекать и предупреждать их (на практике это, к сожалению, в последнюю очередь), разоблачать преступников, обеспечивать применение к виновным, предусмотренных законом, мер наказания. Итог – мы получаем так называемых специалистов, не имеющих даже элементарного понятия об этом.

Это все крайне важно и необходимо уметь делать. Без этого нет борьбы с преступностью. Но и *борьба с преступностью* не сводится лишь к этому, она *включает также* оценку положения дел, разработку программ борьбы с преступностью, предупреждение преступлений путем устранения их причин и условий, а также многое другое.

Таким образом, **борьба с преступностью способна обладать эффективностью лишь при наличии следующей триады: образование (вуз) – специалист – население.**

Когда существует преступность, тогда преступления носят совсем не единичный характер, совершаются не кое-где и кое-когда, а практически ежечасно большим числом людей. В обществе существуют организованная и профессиональная преступность. Борьтсья с ней лишь путем возбуждения, расследования, судебного рассмотрения отдельных уголовных дел и привлечения отдельных виновных к уголовной ответственности – это все равно, что пытаться выиграть войну, используя лишь снайперов. Хорошо, если еще снайперов, а не посредственных, либо плохих стрелков. Это все равно, что обойтись без осуществления разведки, анализа ситуации, разработки крупномасштабных операций, их материального, кадрового, информационного обеспечения, без помощи всего населения, т. е. обеспечения своеобразного тыла.

Преступность, виды преступности, индивидуальное преступное поведение, преступления; их причины, иные виды их взаимосвязей с различными явлениями и процессами (в том числе с экономическими); результативность принимавшихся мер по борьбе с преступностью изучает криминология. Криминологи вырабатывают рекомендации по совершенствованию борьбы с преступностью. Ряд рекомендаций передается иным специалистам: экономистам, социологам, юристам разного профиля для их детальной проработки с учетом специальных научных познаний и разработки целого комплекса конкретных мер по устранению причин и условий криминальных

явлений. Так, для успешной борьбы с преступностью в сфере экономических правоотношений необходимы специальные экономические познания (а ведь такого рода преступления и в среде взрослых, и в среде несовершеннолетних за последние 16 лет составляют более 50 % от общего числа преступлений).

Историография проблемы

Вспомним более ранние учения о преступлениях, их причинах и реагировании на преступления. Чтобы подняться на новую ступень знания, мы «должны становиться на плечи предшественников», но ни в коем случае не делать вид, что их не было, и не игнорировать пройденный ими путь. Каждое, даже самое маленькое приращение знания в истории человечества имеет всегда высокую себестоимость, а заблуждения, может быть, и даны для того, чтобы о них знали и умели извлекать из них уроки. Наше внимание будет сосредоточено не на просчетах предшественников, а на некоторых суждениях, которые заслуживают особого внимания.

История учений о преступности

Что касается преступлений, то история их существования столь же продолжительна, сколь продолжительна история рода человеческого на Земле. В самых первых главах Ветхого завета, Первой книге Моисеевой говорится о нарушении первыми людьми на земле, Евой и Адамом, запрета есть плоды с деревьев в раю (глава 3), а затем, в главе 4, об убийстве, совершенном их сыном Каином. Каин, как известно, убил своего родного брата Авеля. Насколько можно судить по тексту, умышленно, из зависти.

Как же поступил Господь? Наказание в обоих случаях было неотвратимым, суровым и последовательным: что Бог сказал, то и сделал. А сказал Господь Каину следующее: «И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на Земле». В ответ на слова Каина о том, что отныне каждый, кто встретится с ним, убьет его, Господь, как написано в Библии, ответил: «...за то всякому, кто убьет Каина, отметится всемеро».

Итак, если судить по Библии, Господь *не допустил убийства* убийцы, т. е. смертной казни, как сказали бы мы сейчас. Не допустил Господь и самосуда типа «суда Линча», т. к. никому не позволил поднять руку на Каина.

А далее история показала, что люди продолжали совершать преступления, причем далеко не единичные и самые разные. Часть из них делали это неоднократно. Одновременно менялись формы преступного поведения, да и сами представления о преступном и наказуемом. Что в одни эпохи и применительно к одним категориям людей считалось преступным, то в иные периоды и применительно к иным членам общества допускалось. Например, запрещалось убивать свободного гражданина, но не наказывалось убийство раба. В одни периоды запрещалось искусственное прерывание беременности под страхом уголовного наказания, в иные это считалось допустимым.

На вопросы, что же такое преступление, почему преступления совершаются и что делать с теми, кто их совершает, пытались ответить еще в древнем мире философы, политики, писатели и поэты. Со временем данные вопросы приобретали новый характер: почему совершают преступления многие, что стоит за множеством преступлений? Так от анализа отдельного преступления и его причин совершался переход к познанию множественности преступлений – преступности.

Что касается Древней Греции, то наибольший интерес представляют в рассматриваемом нами аспекте идеи Платона и Аристотеля.

Платон интересовался причинами преступлений и анализировал их мотивы. Он писал о гневе, ревности, стремлении к наслаждениям, заблуждениях, неведении. Отстаивал принцип индивидуализации наказания. Оно должно, по мысли Платона, соответствовать не только характеру содеянного, но и побуждениям виновного, учитывать, были ли проявлены коварство, жестокость либо имело место юношеское легковерие. Необходимость наказания обосновывалась задачами обеспечения общей и частной превенции. В ранних трудах Платон даже писал, что наказание – благо для преступника, которое способно восстанавливать гармонию в его душе. Он допускал смертную казнь. Но при этом Платон обращал внимание на законотворческий процесс, отмечал необходимость учитывать человеческое несовершенство, стремиться предупредить преступление, добиваться того, чтобы в результате наказания человек становился лучше. Платон также отмечал личный характер наказания, считал, что оно не должно распространяться на потомков преступника даже в случаях посягательства на государственный порядок. Одновременно говорилось о возмещении причиненного потерпевшему вреда и убытков. Заслуживает внимания и то, что Платон добродетель связывал не с наследственностью, а с воспитанием: «...добродетели учить можно... нет ничего удивительного, когда у хороших родителей бывают худые, а у худых хорошие дети» [1].

Аристотель в своих трудах особое значение придавал равенству всех полноправных граждан перед законом. При этом он подчеркивал важную предупредительную роль наказания, так как полагал, что люди воздерживаются от дурных поступков не из высоких побуждений, а из страха наказания и большинство склонно предпочитать свои выгоды и удовольствия общему благу. Наказание, по мнению Аристотеля, должно быть более суровым, чем полученные в результате совершения преступления выгода и удовольствие. Он был твердо убежден в том, что преступник становится испорченным по своей воле, но дух его должен господствовать над телом, а разум над инстинктом, как хозяин над рабом. Однако Аристотель отмечал и такие причины преступлений, которые коренились во внешних для преступника условиях: беспорядки в государстве; возможность легко скрыть похищенное; искусственная нужда, возникающая от чрезмерного богатства одних, и действительной крайней нужды других; нежелание либо боязнь потерпевших обратиться с жалобой; слабость или отдаленность наказания; продажность и низость судей и т. п.

При назначении наказания Аристотель считал важным учитывать обстоятельства совершения преступления и не наказывать за преступления, совершенные при обстоятельствах, «превышающих обыкновенные силы человеческой природы». То есть правомерное поведение не должно требовать проявления героизма. В то же время существенными при назначении наказания считал такие обстоятельства, как рецидив, особая жестокость виновного, нежелание загладить причиненный вред, и ряд иных.

Аристотель предлагал разграничивать оценки проступков и оценки тех людей, которые их совершили, учитывать, какова роль «внешних» обстоятельств и роль характеристик самого правонарушителя в механизме противоправного поведения. Он писал, в частности: «Когда действуют сознательно, однако не приняв решения заранее, то [перед нами] неправосудное дело: случается это между людьми из-за порыва ярости и из-за других страстей, вынужденные они или естественные. Причиняя этот вред и совершая такие проступки, люди поступают неправосудно, и имеют место неправосудные дела, но из-за этого люди все-таки в каком-то смысле не «неправосудные» [по складу] и не «подлые». Дело в том, что причиненный вред не обусловлен их испорченностью. Когда же [человек причиняет вред] по сознательному выбору, он неправосудный [по своему складу] и испорченный. Суд поэтому правильно расценивает со-

вершенное в порыве ярости как совершенное без умысла, ибо источником здесь является не тот, кто действует движимый пороком, а тот, кто разгневал» [2].

Одновременно Аристотель выступал против произвола судей и призывал видеть в них слуг закона, а не его творца. Он писал, что в целях недопущения несправедливости «мы разрешаем начальствовать не человеку, а слову [закона] (logos), так как человек себе уделяет больше благ и меньше зол и делается тираном» [3].

Таким образом, многие основополагающие идеи о причинах преступлений, принципах ответственности за них были заложены на заре человеческой истории. К сожалению, осведомленность о них далеко не всегда сочеталась со следованием этим идеям.

Что касается Древнего Рима, то здесь особо выделялись идеи Цицерона и Сенеки.

Римский оратор, юрист Цицерон важнейшими источниками преступлений считал «неразумные и жадные страсти к внешним удовольствиям, с необузданной необдуманностью стремящиеся к удовлетворению», а также надежду на безнаказанность. Отсюда признание важности наказания, преследующего цель и общей, и частной превенции, обеспечивающего безопасность общества. Однако, как отмечал Цицерон, наказание должно соответствовать не только причиненному вреду, но и субъективной стороне деяния, а судья обязан быть связан законами. Правда, это еще не значило, что Цицерон всегда руководствовался провозглашавшимися им принципами. Из писем Цицерона к друзьям и родным видно, что он нередко презрительно и неискренне относился к тем идеям, которые отстаивал, используя все свое красноречие.

Такова судьба многих высоких и гуманных принципов, касавшихся преступлений, преступников и их наказаний. Одно дело – их провозглашать, другое – следовать им на практике.

Сенека – римский философ, политический деятель, писатель, как и Платон, полагал, что наказание должно стремиться как к исправлению виновного, так и к безопасности общества путем воздействия на других его членов. Сенека, как и Цицерон, прежде всего, обращает внимание не на причиненный вред, а на характеристику лица, совершившего преступление, содержание его воли.

Крайне интересно и поучительно высказывание римского писателя Публия Сира о том, что всякое хорошее законодательство должно стремиться к *искоренению преступлений, а не преступников*. Одновременно подчеркивались необходимость личного характера наказаний, недопустимость семейной ответственности.

Вообще римские прозаики и поэты много внимания уделяли преступлениям, а их мнения влияли на юристов, политиков. Гораций и Вергилий среди мотивов и причин преступлений называли, прежде всего, корыстолюбие. Далее шло честолюбие, стремление к почестям или, как выражался Ювеналий, «к пурпуру». Упоминались гнев, гордость, злоба, даже жажда крови. Лукреций отмечал ужасающую бедность народа. Гораций требовал различать вора, укравшего в чужом саду несколько плодов, и «ночного вора и святотатца», вора робкого и грабителя.

До многого римляне доходили на практике, при этом высокие принципы ими провозглашались применительно к лицам, имеющим права гражданства, но не к рабам. Поэтому реальный процесс наказания преступников не всегда был таким, каким его хотели видеть указанные мыслители.

Если бы мир дальше стал развиваться в направлении реализации и совершенствования высказанных идей, сколько полезного удалось бы достичь и сколько чудовищного избежать!

При падении Римской империи народы, пришедшие с севера, как писал известный русский юрист, профессор М. П. Чубинский, «принесли с собой много силы, много свежести и жизнеспособности, но вместе с тем принесли и довольно перво-

бытное мирозерцание, распространявшееся, конечно, и на область преступления и наказания» [4].

Далее наступила эпоха господства церкви. Условия для развития научного знания практически исчезли с исчезновением возможности свободно излагать свои убеждения и критически относиться к достигнутому уровню. Господствующим стало учение, что все дано человеку свыше, а в основе преступления лежит либо злая воля, либо предначертание свыше – злой дух, вселившийся в него.

В это время обращают на себя внимание позиции канонистов и средневековых криминалистов. Их опыт поучителен.

Канонисты *решительно отрицали смертную казнь*, на первый план ставили такую цель наказания, как исправление преступников, и, казалось бы, в своих учениях не обращали особого внимания на идею возмездия. Даже религия, по их мнению, не должна быть охраняема казнями. Однако на практике позднее преобладает мнение, согласно которому церковь не имеет права применения казни, но такое право может быть дано светской власти в случаях совершения тяжких преступлений. Это было отходом от идей раннего христианства. Одновременно канонисты стремились в основу наказания за преступления положить ответственность человека, основанную на вине, выдвигали на первый план субъективный момент.

Хотя уголовное право погибло в Риме с его падением, все же в средние века благодаря канонистам наряду с каноническим правом признавалось действующим и римское. Последнее вообще оказало огромное влияние на всю историю нашей эры, и его не случайно до сих пор изучают в подлиннике.

До конца XV в. уголовно-правовые учения находились в полной зависимости от церкви, но позднее постепенно образовалось светское сословие юристов. Однако они в основном преследовали тогда узкопрактические цели, давали для потребностей практики систематизированный материал, но не стремились возвыситься над этой практикой, осмыслить ее, дать ей свежие идеи, новые направления. В результате этот период оценивался рядом авторов как полный упадок уголовно-политических идей, отсутствие какого-либо шага вперед в этом аспекте по сравнению с древним миром.

Совершенствование того, что есть, несомненно, практично, но, как было правильно и давно сказано, *теория – та же практика, только более широкой и далекой перспективы*.

В так называемый переходный период, или эпоху Возрождения (XV–XVII вв.), криминалисты как бы застыли в рутине, по образному выражению М. П. Чубинского, а свежие идеи начали исходить от философов и писателей.

В «Утопии» Томаса Мора вновь высказывается идея предупреждения преступлений. При этом он обратил внимание на то, что *все должны быть обеспечены средствами для существования*, но если остаются *неизменными причины*, вызывающие преступления, *неизменными будут* и вызываемые этими причинами *последствия*. Нужно позаботиться *об улучшении экономического устройства общества*, при этом не помогут никакие жестокие казни. Мор выступал за снисходительность и человечность по отношению к преступникам. Казнь за кражу Мор не признавал и рекомендовал назначать за имущественные преступления работы исправительного характера – совершенно новый вид наказания.

Бэкон обратил внимание на совершенствование законов, так как полагал, что легальная форма часто прикрывает один из видов насилия либо охраняет обман и жестокость. Бэкон видел необходимость в *людях государственного ума* и писал, что *философы часто углубляются в область прекрасного*, но непрактичного, а *юристы обыкновенно не способны стать выше пределов действующего туземного права*.

Цель же всякого права – достижение максимума счастья для всех граждан. И не надо стесняться изменять форму, содержание уголовного права во имя этой цели. Бэкон призывает перейти от метафизического подхода к позитивному и покончить с жестокостью наказаний, а также с судебским произволом. Он большое значение придавал кодификации законов, полагал, что *наилучшие законы – те, которые оставляют меньше места для произвола судьи*.

Заслуживают внимания и взгляды основоположника школы естественного права. Так, голландский юрист, социолог, государственный деятель Гуго Гроций писал, что вне разумного основания не должно быть наказания, и, что результаты деяния должны влиять на возмещение вреда, а при определении наказания важно учитывать мотивы, субъективную сторону деяния. *Цели наказания*, по мнению этого автора, – *исправление преступников, предупреждение будущих преступлений и обеспечение безопасности общества*. Гроций не сводил реагирование на преступление лишь к каре либо возмездию, как и многие его предшественники.

С XVIII в. начинается бурное развитие учений о преступлении и наказании. Особое значение имели работы Ш. Монтескье и Ч. Беккариа.

Шарль Монтескье развивал идею закономерного развития всего в мире, в том числе человеческих действий, и требовал от законодателя считаться с «общим духом своего народа». Он призывал даже при проведении реформ не стеснять без нужды нравов и привычек народа, не стремиться непременно исправить все. Законы одного народа не подходят другому, живущему в иных условиях. Монтескье писал о *гуманизации* мер наказания, а также о *предупредительных* мерах. Главной причиной преступлений он считал «злонравие» и рекомендовал государству в целях предупреждения преступлений заботиться о «благонравии». Он настаивал на *экономии репрессии*, личном характере и соответствии ее тяжести характеру содеянного. Монтескье классифицировал преступления и рекомендовал соответственно дифференцировать наказания за них. Он, в частности, требовал точного определения круга государственных преступлений и писал, что отсутствия здесь точности достаточно для превращения правления в деспотическое [5].

Чезаре Беккариа в 26 лет написал книгу «О преступлениях и наказаниях» (1764). Она была первым в истории специальным трудом на эту тему. Первый параграф книги начинается словами: «Законы суть условия, на которых люди, существовавшие до того независимо и изолированно друг от друга, объединились в общество». А далее следует: «*Нельзя надеяться на существенное улучшение морали*, если политика, проводимая в нравственной сфере, не опирается на вечные чувства, присущие человеческой природе. И любой закон, идущий вразрез с этими чувствами, неизбежно столкнется с противодействием, которое, в конце концов, окажется сильнее...» (курсив наш – Н. И.). Беккариа писал, что еще ни один человек «не пожертвовал безвозмездно даже частицей собственной свободы, только необходимость заставляла его это делать. При этом государству жертвовался лишь тот необходимый минимум свободы, который был достаточен, чтобы побудить других защищать его. Совокупность этих минимальных долей и составляет право наказания» [6]. По существу, здесь речь идет о *проблеме защиты прав человека и необходимом для этой защиты ограничении таких прав*. Сейчас при решении проблем борьбы с преступностью этот вопрос дискутируется очень остро и, нередко, предлагаются чрезвычайно простые, поверхностные решения. Чезаре Беккариа было высказано немало иных интересных идей по этому поводу.

О причинах преступности и мерах борьбы с ней писали также Локк, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Вольтер, Бентам и иные философы, отмечая *социальную неустроенность общества* и необходимость предупреждения преступлений. Как отмечал про-

фессор А. А. Герцензон, дальше их шли революционные демократы Руссо, Марат, Радищев и иные, которые указывали на эксплуатацию масс, институт частной собственности, тиранию господствующих классов как на основные причины преступности [7]. В этом аспекте заслуживают внимания работы русских революционных демократов Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Они рассматривали преступность как социальное явление, внутренне присущее обществу, основанному на частной собственности и существовании классов эксплуататоров и эксплуатируемых. Видели выход в революционной ломке старых отношений.

В то же время практика борьбы с преступностью фактически исходила из понимания преступления как проявления свободной воли преступника, которую называли «злой волей», и ограничивалась лишь применением, установленных законом наказаний, к виновным в совершении конкретных преступлений. Это вытекало из учения так называемой классической школы права. Как отмечал профессор С. В. Познышев, «сторонники классического направления полагают, что наука уголовного права должна изучать преступление и наказание только как юридические явления, должна быть строго юридической наукой» [8].

В конце XVIII в. различались два направления классической школы: так называемые метафизическое и утилитарное. Как всегда, отмечались и смешанные теории.

Наиболее яркими представителями метафизического направления были авторы кантианской и гегельянской школ. «Чистые» метафизики и метафизики историко-философского плана стремились, как писал С. В. Познышев, построить систему вечного естественного уголовного права, опираясь на идею абсолютной справедливости. Однако существовала третья разновидность данного направления, которая вылилась далее в позитивизм, суть которого сводилась к тому, чтобы от попыток найти «естественное уголовное право» перейти к разработке положительного уголовного законодательства. Русские юристы-криминалисты в XIX – начале XX в. были приверженцами классического позитивистского направления или социологического направления в праве [9]–[11].

Генезис криминологии как науки

Все изложенное было предысторией криминологии. Ее история как самостоятельной науки начинается в XIX в., в эпоху бурного развития наук об обществе, человеке, приобретения все большей популярности диалектико-материалистического учения, в том числе о всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости всех явлений и процессов. Бурное развитие наук привело к расширению применения естественнонаучных методов. Они стали проникать и в общественные науки.

На становление криминологии как самостоятельной науки наряду с указанными выше философскими, политическими, правовыми учениями в первой половине XIX в. наиболее отчетливо повлияли следующие *четыре вида исследований*: 1) антропологические; 2) статистические; 3) социально-экономические, социологические и другие, в процессе которых анализировались факторы преступности и механизм их влияния; 4) социально-правовые.

Основоположником антропологических исследований был френолог Галль. Он разделил людей, совершающих преступления, на *три категории* и положил начало *биологической классификации* преступников. *К первой категории* он относил тех преступников, чьи врожденные качества позволяют им в самих себе находить опору в борьбе с соблазнами и дурными влечениями. Эти лица способны соотносить свои действия не только с законом, но и с более высокими идеалами. *Вторая категория* состоит, по мнению Галля, из людей, обездоленных от природы. В силу своих врожденных качеств эти люди легко становятся жертвой преступных влечений. *Третья*

категория занимает между этими двумя промежуточное положение. Люди этой категории от природы предрасположены к совершению преступления, но им отпущено природой и дурное, и хорошее одновременно, а потому на преступный путь они встают в зависимости от условий их среды. По мнению Галля [12], «преступления являются продуктом индивидов, их совершающих, а, следовательно, их характер зависит от природы этих индивидов и от тех условий, в которых эти индивиды находятся; лишь принимая во внимание эту природу и эти условия, можно правильно оценивать преступления» (цит. по кн.: Чубинский, М. П. Курс уголовной политики / М. П. Чубинский. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 245).

Позднее идею наличия врожденного преступника четко обосновал бывший тюремный врач, итальянский профессор судебной медицины Цезарь (или Чезаре) Ломброзо: «Внезапно, однажды утром мрачного декабрьского дня, я обнаружил на черепе каторжника целую серию ненормальностей... аналогичную тем, которые имеются у низших позвоночных. При виде этих странных ненормальностей – как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня». «Преступниками рождаются», – настаивал Ломброзо в первых своих работах, позднее он признавал, что прирожденный преступник – только один из типов, наряду с ним существуют иные, которые становятся преступниками под влиянием условий развития и жизни. Первая работа Ломброзо вызвала бурную реакцию: одни авторы поддерживали Ломброзо, другие развивали исследования лиц, совершающих преступления, оспаривая выводы Ломброзо. В конце XIX – начале XX в. состоялся ряд международных конгрессов по уголовной антропологии, на которых многие участники критиковали теорию Ломброзо [13].

Сам Ломброзо вел дискуссии, расширяя рамки исследования преступников и причин совершения преступлений. В его поздних работах значительное внимание уделялось различным факторам внешней среды, влиявшим на преступность, причем со временем он все большее значение придавал социальным факторам, хотя и не отказался от своего учения о прирожденном преступнике [14].

Взгляды Ломброзо развивали его ученики, известные итальянские ученые Рафаэль Гарофало и Энрико Ферри, но они гораздо большее внимание уделяли социальным факторам преступности. По мнению Ферри, специфической чертой антропологической школы было то, что она признавала отличие преступников от нормальных людей их органическими и психическими чертами (*par des anomalies organiques et psychiques*), наследственными и приобретенными, считала преступников особой разновидностью человеческого рода (*une classe speciale, une variété de l'espèce humaine*) [15].

Соответственно наказание рассматривается в качестве обороны общества от этой «разновидности человеческого рода» – преступников. Сторонники данного направления были во Франции, а также в иных странах. В Российской империи (в состав которой входила и Беларусь) были близки антропологическому направлению работы П. Н. Тарновской, Д. А. Чижа, в известной мере – Дмитрия Дриля, Минцлова и ряда иных авторов [16]–[19].

Как писал позднее Ван-Кан, автор одной из самых значительных криминологических работ «Экономические факторы преступности», заслуга Ломброзо состояла в том, что он пробудил мысль в области криминологии, создал системы и выдвинул остроумные и смелые гипотезы, но тонкий анализ и осторожные выводы ему пришлось оставить своим ученикам [20]. Ломброзо использовал для доказательства своих теорий определенные статистические выкладки, но делал это так, что один из его

критиков, Мартин, писал: «Статистические данные почти никогда не дают основания для определенных выводов» [21].

Такого рода утверждение было поставлено под сомнение специальными статистическими исследованиями данных о преступлениях (А. Хвостова в России, А. Герри во Франции, Э. Дюк-Петьо в Бельгии). Наиболее ярко их значение для изучения закономерностей преступности было показано бельгийским математиком и статистиком А. Кетле. В 1836 г. вышло в свет сочинение А. Кетле «Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики», в котором автор писал: «Во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоянством, что этого нельзя не заметить... Это постоянство, с которым ежегодно воспроизводятся одни и те же преступления и вызывают те же самые наказания в одних и тех же пропорциях, есть один из самых любопытных фактов, какие сообщают нам статистические данные уголовных судов; его я всегда особенно старался выставить на вид в разных своих сочинениях... и не переставал повторять каждый год: *есть бюджет, который уплачивается с поразительной правильностью, – это бюджет темниц, каторг и эшафотов; об уменьшении этого-то бюджета нужно всеми силами заботиться*» (курсив наш. – Н. И.) [22].

Такого рода исследования продолжили другие авторы, и с их помощью, во-первых, был совершен переход от изучения преступления или преступлений к преступности как массовому социальному явлению, обладающему статистическими закономерностями; во-вторых, показана взаимосвязь изменений статистических данных о преступности и изменений состояния общества.

Что касается социально-экономических, социологических исследований, то многие ученые показывали статистическую связь преступности с разными социальными факторами (Ферри, Гарофало, Марро, позднее Ашшафенбург и др.). Особое место в ряду ранних исследований преступности с широких социологических позиций занимает изучение Ф. Энгельсом положения рабочего класса в Англии и соответственно преступности в рабочей среде и обществе вообще. В 1844–1845 гг. молодой Фридрих Энгельс написал книгу «Положение рабочего класса в Англии» с подзаголовком «По собственным наблюдениям и достоверным источникам». Это было практически первое глубокое исследование не только факта влияния общественных условий на преступность, но и механизма такого влияния, социальной сущности преступности. «Неуважение к социальному порядку всего резче выражается в своем крайнем проявлении – в преступлении. Если причины, приводящие к деморализации рабочего, действуют сильнее, более концентрированным образом, чем обычно, то он так же неизбежно становится преступником, как вода переходит из жидкого состояния в газообразное при 80° по Реомюру», – писал Ф. Энгельс [23]. Преступность – это проявление социальной войны, по Ф. Энгельсу, когда «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчетом: что для него выгоднее... И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от году все яростнее, ожесточеннее и непримиримее; враждующие стороны постепенно обособляются в два больших лагеря, борющихся друг против друга: здесь буржуазия, там – пролетариат. Эта война всех против всех и буржуазии против пролетариата не должна нас удивлять, ибо она есть лишь последовательное осуществление принципа, заложенного уже в свободной конкуренции» [24]. Позднее, однако, К. Маркс полагал, что преступников нельзя отождествлять с пролетариатом, они – один из слоев люмпен-пролетариата наряду с бродягами и лицами, живущими за счет проституции [25].

В указанной работе Ф. Энгельса важно то, что, во-первых, обосновывались причины не вообще негативных социальных отклонений в поведении людей, но причины именно преступности; во-вторых, показывалась закономерность преступности в соответствующих условиях безраздельного господства частного интереса, свободной конкуренции, полного игнорирования интересов и прав людей наемного труда, не имеющих частной собственности. Отсюда следовал вывод о первоочередности таких мер в борьбе с преступностью, как, изменение общественных и политических учреждений, общественно-экономического уклада общества.

Развитие социально-правовых исследований, социологии права заставило обратить внимание на социальную основу преступлений, на причины нарушения норм права, их учет при реагировании на преступления. Возникло учение об уголовной политике. Криминалисты стали интересоваться больше причинами преступлений и их предупреждением. Показательно, что профессор из Японии Кан Уэда связывает зарождение криминологических исследований в этой стране с реформой основ уголовной политики и тюремного дела [26].

Прокурор кассационного суда в Риме барон Р. Гарофало назвал свою книгу «Криминология» [27].

Исследования Р. Гарофало, а также Марро и иных авторов подтверждали *взаимосвязь бедности и преступности, более высокие коэффициенты преступности пролетариата, неимущих слоев населения* [28]. В работе А. Хвостова и И. Орлова на основе анализа статистических данных о преступности был сделан вывод о ее зависимости в отдельных районах России от политических условий [29]. Одновременно все яснее исследователи осознавали *сложный характер взаимосвязи экономических, иных общественных факторов и преступности*.

Позднее говорилось о *производности преступности* от принципов существования «большого общества». Так, американский социолог Эдвин М. Шур писал в 70-х годах прошлого века, что «американское общество пропитано... предпочтением к ценностям, в такой мере определяемым индивидуализмом, конкуренцией и жадной прибылью, что это создает побудительные стимулы к преступлениям, причем стимулы настолько интенсивные, что это выходит далеко за пределы рационального в современном комплексном обществе, даже если оно и является в своей основе капиталистическим» [30].

Позднее тезис о закономерности преступности в определенных общественных условиях рядом авторов стал подменяться тезисом о том, что преступление – не только неизбежное в существующем обществе явление, но и «нормальное». Французский социолог Э. Дюркгейм [31]–[33] полагал, что нормальными являются все отправления социального организма, которые вытекают из условий его существования [34]. Затем на этом основании стали высказываться суждения об установлении «нормы преступности» в обществе и необходимости преодоления фактически лишь превышения этой нормы.

Заключение

Исходным в криминологии служит положение о том, что преступность – это все-таки одно из социальных отклонений в обществе. Она – не норма, но в то же время – закономерное явление в определенных общественных условиях. А потому необходима борьба с преступностью, связанная с изменением этих условий и ни в коем случае не ограниченная только применением (тем паче усилением) уголовных наказаний к конкретным преступникам. В реальной жизни затруднительно провести четкую границу между преступностью и иными негативными социальными отклонениями – любое их изолированное рассмотрение бывает относительным, искусствен-

ным и неэффективным. Не следует забывать, что представления о преступном и не-преступном меняются, как меняются общество и законы государства. Юрист-криминолог вносит свою лепту в вопрос о криминализации определенных деяний (признание их преступными по закону) и декриминализации (исключение соответствующих деяний из числа преступных по закону и, следовательно, уголовно наказуемых). Изучая лиц, совершающих преступления, юрист-криминолог наблюдает изменение форм их общественно опасного поведения в изменяющихся условиях и то, что с изменением этих форм поведение не только не теряет крайнюю степень общественной опасности, но даже становится порой еще более опасным, а уголовный закон остается прежним. Поэтому необходима и своевременная трансформация законов (как в сторону усиления, так и в сторону смягчения санкций законов) для успешной борьбы с преступностью.

Литература

1. Сочинения Платона. – Санкт-Петербург, 1841. – Ч. 1. – С. 103.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 : Никомахова этика / Аристотель. – Москва, 1984. – С. 163.
3. Там же. С. 159.
4. Чубинский, М. П. Курс уголовной политики / М. П. Чубинский. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 69.
5. Монтескье, Ш.-Л. О духе законов. Избранные произведения / Ш.-Л. Монтескье. – Москва, 1955.
6. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Москва, 1995. – С. 70.
7. Криминология / под ред. Л. А. Герцензона, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева. – Москва, 1966. – С. 32.
8. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права / С. В. Познышев. – Москва, 1912. – С. 10.
9. Там же. С. 12–16.
10. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – Москва, 1902.
11. Казмер, М. Э. Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли / М. Э. Казмер. – Рига, 1983.
12. Gall. Sur les fonctions du cerveau. Т. 1 / Gall. – [Б. м.], 1825.
13. Ломброзо, Ч. / Ч. Ломброзо // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 9.
14. Ломброзо, Ч. Новейшие успехи науки о преступнике / Ч. Ломброзо. – Санкт-Петербург, 1892.
15. Ferri. La sociologie criminelle / Ferri. – Paris, 1905. – P. 42.
16. Дриль, Д. Малолетние преступники. В 2 т. Т. 1–2 / Д. Дриль. – [Б. м.] : 1884 ; 1888.
17. Он же. Психофизические типы в их отношении с преступностью и ее разновидностями. – [Б. м.], 1890.
18. Он же. Преступность и преступники. – Москва, 1895.
19. Минцлов. Особенности класса преступников / Минцлов. – Санкт-Петербург, 1881. – С. 216.
20. Ван-Кан, Ж. Экономические факторы преступности / Ж. Ван-Кан. – Москва, 1915. – С. 42.
21. Там же. – С. 43.

22. Кетле, А. Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики / А. Кетле. – Санкт-Петербург, 1865. – С. 5–7.
23. Маркс, К. Сочинения. В 39 т. Т. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – С. 361.
24. Там же. С. 364.
25. Маркс, К. Сочинения. В 39 т. Т. 23 : Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1960–1964. – С. 658.
26. Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / Уэда Кан. – Москва, 1989. – С. 23–26.
27. Garofalo. La criminologie / Garofalo. – Paris, 1895. – P. 177.
28. Marro. I carrateri dei delinquenti / Marro. – Torino, 1887. – P. 265.
29. Журнал Министерства юстиции. В 12 т. Т. 6. Кн. 10. – [Б. м.]. – С. 35–62.
30. Шур, Э. М. Наше преступное общество / Э. М. Шур. – Москва, 1977. – С. 257.
31. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – Санкт-Петербург, 1912.
32. Он же. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. – Санкт-Петербург, 1914. – Вып. 2.
33. Он же. Германия превыше всего. – Москва, 1917.
34. Дюркгейм, Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – Киев ; Харьков, 1899. – С. 62.

Получено 16.09.2007 г.